

ВЕЛИКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

(К 2400-летию со дня рождения Аристофана)

По решению Всемирного Совета Мира в 1954 г. отмечается 2400 лет со дня рождения великого греческого комедиографа Аристофана, чье творчество давно уже принадлежит всему прогрессивному человечеству.

«У народов есть общее достояние, каким являются великие произведения науки, литературы и искусства, сохраняющие в течение веков отпечаток гения,— писал в обращении к народам мира от 19 февраля 1952 г. председатель Всемирного Совета Мира Фредерик Жолио-Кюри.— Это культурное наследие является для человечества неиссякаемым источником. Оно позволяет людям различных эпох узнавать друг друга, улавливать в настоящем связывающую их нить. Оно открывает перед ними перспективы всеобщего согласия и понимания. Оно ежеминутно утверждает в них веру в человека в момент, когда более, чем когда-либо необходимо взаимопонимание» («Правда», 22 февраля 1952 г.).

В сокровищнице мировой культуры, в которую народ древней Греции внес величайший вклад, достойное место принадлежит Аристофану. Специфический характер комедийного театра Аристофана, сделавший затруднительным понимание его творчества в поздней античности и в средние века, не мог затмить славы одного из величайших художников древнего мира. Уже в эллинистическую эпоху наследие его тщательно собирается и комментируется александрийскими филологами. Для Горация имя Аристофана служит символом бичующей сатиры; на рубеже нашей эры поэт-эпиграмматист Антипатр Фессалоникский восхищается величием ума Аристофана и его глубочайшим проникновением в дух Эллады; Цицерон и Квинтилиан находят в нем необычайное изящество и красоту стиля. Немало потрудились над сохранением и истолкованием текста Аристофана византийские комментаторы X—XII вв. В эпоху Возрождения горячими поклонниками жизнеутверждающего, пронизанного народным юмором таланта Аристофана выступают Рабле и Эразм Роттердамский; древний комический поэт находится в числе любимых авторов обитателей «Утопии» Томаса Мора.

Вдохновленный Аристофаном, Расин создает комедию «Сутяги»; Фильдинг переводит «Плутос» и стремится в своем творчестве продолжить традицию «неподкупно строгого барда» древней сатиры. Лессинг обращается к творчеству Аристофана, размышляя над проблемами типизации образа в драматическом искусстве; Гете с увлечением переделывает для театральной постановки аристофановскую комедию «Птицы» и внимательно следит за всеми новыми работами, касающимися Аристофана,

за появляющимися переводами его комедий; великий поэт-демократ Г. Гейне гордится тем, что он унаследовал лиру Аристофана. В эпоху кризиса буржуазной цивилизации Ромэн Роллан мечтает о создании сатирических пьес «в духе Аристофана», чтобы заклеймить буржуазное правосудие в образе легкомысленной и ветреной Дикэ, содержанки короля Мидаса, и разоблачить лицемеров, фигляров и дельцов, стремящихся поживиться за счет революционной активности масс.

Борьба за творческое наследие Аристофана занимает важное место в русской литературно-критической и эстетической мысли в течение всей первой половины XIX в. В то время как представители верноподданнической идеологии, возглавляемые реакционным поэтом князем Шаховским, стремились использовать комедии Аристофана для защиты устоев самодержавия, для борьбы с республиканскими общественными идеалами революционной части дворянства, передовая эстетическая мысль в лице Гоголя и Белинского отстаивала прогрессивные стороны в творчестве Аристофана, отмечая его народный характер, сознательное участие поэта в общественной жизни своего времени. На всем протяжении своей литературно-критической деятельности Белинский неизменно характеризовал Аристофана как «последнего великого поэта древней Греции», помещая его имя в ряду имен величайших художников всех времен и народов. Чернышевский и Добролюбов, развивая мысли, высказанные Белинским, в свою очередь высоко оценивали творчество древнего поэта, особенно подчеркивая «высокое значение комедий Аристофана» с точки зрения заложенного в них глубокого общественного содержания и боевой политической целеустремленности.

Большое значение для ознакомления широких читательских кругов с творчеством Аристофана имели переводы его комедий на русский язык, неоднократно издававшиеся в прозе и стихах за последние полтора столетия. За это время были опубликованы пять различных переводов комедии «Лягушки», по четыре — «Облаков» и «Фесмофориазус»; остальные комедии появлялись в разных переводах по два-три раза, не считая полного прозаического перевода всех комедий, изданного в 1897 г. В. Тепловым. Многие из этих переводов до сих пор не утратили значения. К их числу относятся прежде всего исключительно точные и продуманные прозаические переводы И. Муравьева-Апостола («Облака», 1821 г.), К. Нейлисова («Лягушки», 1887 г.), П. Никитина («Фесмофориазусы», 1917 г.), а также выразительные в художественном отношении переводы Н. Корнилова («Осы», 1900 г. и «Фесмофориазусы», 1916 г.).

После Великой Октябрьской революции, когда произведения классиков мировой литературы стали выходить у нас массовыми тиражами, был впервые издан полный стихотворный перевод на русский язык всех комедий Аристофана, выполненный размером подлинника (1934 г.). В настоящее время выходит второе полное советское издание произведений великого комедиографа.

Можно привести еще много примеров, свидетельствующих о том, какое место занимает в мировой культуре творческое наследие Аристофана. Наряду с этим история изучения Аристофана специалистами-античниками различных стран демонстрирует величайшую плодотворность международного сотрудничества научных сил в течение многих столетий. Первое издание греческого текста Аристофана было выпущено в 1498 г. венецианцем Альдом Мануцием. Большое внимание уделяли изучению Аристофана немецкие гуманисты Меланхтон и Никодим Фришлин, английские филологи Бентлей и Порсон. Если же говорить о последнем столетии, в течение которого классическая филология оформилась как самостоятельная область науки, то современное состояние наших знаний

об Аристофане и обо всем жанре древнеаттической комедии невозможно представить без вклада, внесенного в науку в результате совместных усилий крупнейших ученых Европы и Америки. Каждому специалисту известны превосходные издания Аристофана, выпущенные голландцем Ван-Левеном, англичанином Блэдсом, французом Кулоном, аристофановские схолии, изданные Дюбнером, а затем Резерфордом, своды фрагментов древних комиков, собранные немецкими филологами Мейнеке и Коком и польским ученым Демьянчуком, исследования папирусных фрагментов древней комедии, принадлежащие перу немецкого ученого Керте, и многочисленные статьи бельгийца Гуссенса, не говоря уже о работах других, менее известных тружеников классической филологии.

Богатую и плодотворную традицию имеет изучение Аристофана в России. Еще в 1849—1850 гг. в журнале «Отечественные записки» была напечатана большая работа Б. И. Ордынского «Аристофан». В этом произведении, положительно оцененном еще в рукописи Герценом, а после опубликования — Чернышевским, впервые в мировой науке был поставлен вопрос о крестьянской идеологии Аристофана, о сознательной общественной направленности его комедий. При всей ограниченности исторических и эстетических воззрений Ордынского, не сумевшего подняться до уровня материалистической эстетики Белинского и Чернышевского, его работа была значительным событием для своего времени.

В дальнейшем, по мере все большей дифференциации филологической и исторической отраслей некогда единой «науки о древности», в России, как и в Западной Европе, творчество Аристофана становится предметом специального изучения как филологов-классиков, так и историков-античников. При этом в области классической филологии русскому аристофановедению принадлежат крупнейшие заслуги. Достаточно упомянуть здесь печатанные в начале 80-х годов прошлого века работы П. В. Никитина, посвященные истории драматических состязаний в Афинах, в которых русский исследователь на 15—20 лет опередил выводы, достигнутые в начале XX в. Ад. Вильгельмом и Кэппсом. Огромное значение для изучения структуры аристофановских комедий имели исследования Ф. Ф. Зелинского, давшие толчок соответствующим работам Мазона и Корнфорда. Высокую оценку мировой научной общественности получили работы старейшего советского филолога-античника С. И. Соболевского, посвященные детальному и всестороннему изучению синтаксиса Аристофана. Необходимо также отметить пристальное внимание, с которым русские исследователи критически оценивали новые работы зарубежных ученых.

Наиболее сложным вопросом в изучении Аристофана, с которым особенно близко пришлось соприкоснуться историкам, оказался вопрос об определении социальной направленности его творчества. В русской науке М. С. Куторга, стремясь к объективной оценке деятелей радикальной демократии, первым охарактеризовал Аристофана как сторонника аристократии. Эта точка зрения, вызванная необходимостью дать правильную характеристику афинской демократии последней четверти V в. до н. э., но по отношению к Аристофану совершенно ошибочная, оказалась очень устойчивой в исторической науке. Ее высказывал неоднократно В. П. Бузескул, и уже в советское время А. И. Тюменев, А. В. Мишулин, В. С. Сергеев (в последнем прижизненном издании его «Истории древней Греции»).

Иной взгляд на Аристофана был сформулирован в дореволюционной русской исторической литературе В. А. Шеффером, который еще в 1891 г. в своей известной работе «Афинское гражданство и народное собрание» охарактеризовал Аристофана как защитника землевладельцев средней руки, противника олигархии и охлократии. К этому выводу присоеди-

нился впоследствии Ф. Г. Мищенко (предисловие к переводу «Ос», Казань, 1900).

Что касается западноевропейской буржуазной классической филологии, то она, несмотря на достигнутые ею значительные результаты в издании, комментировании и филологической критике текста, не смогла дать всесторонней оценки деятельности Аристофана. Буржуазные ученые старались не столько выяснить социальную позицию Аристофана как активного участника общественной жизни своего времени, сколько стремились доказать невозможность самой постановки подобного вопроса в отношении комического писателя вообще.

Политические симпатии и антипатии Аристофана они склонны относить не столько за счет его личных убеждений, его социальной ориентации, сколько за счет специфики самого жанра, — поскольку-де комедия по самой природе своей призвана осмеивать существующее положение вещей, постольку она становится в оппозицию к радикальной демократии и противопоставляет ей в качестве абстрактного идеала «доброе старое время».

Подобная точка зрения, особенно широко распространенная в буржуазной классической филологии на Западе и в наше время, низводит Аристофана до положения беспринципного пересмешника, балаганного шута, лишает его творчество социальных корней. Именно в таком роде написана, например, книга об Аристофане Дж. Мэрри, всячески пытающегося доказать, что Аристофан являлся не боевым, политически мыслящим поэтом, а милым весельчаком, который особенно весело потешался над людьми, вызывавшими у него симпатию, например, над Сократом и Эврипидом. Всячески затемняют классовый характер творчества Аристофана и такие буржуазные ученые, как Гомм, Эренберг, Эд. Мейер, Вилламовиц-Меллендорф, Зюс и др., не умеющие или не желающие рассматривать литературу как форму общественного сознания людей, не отделимого от их классового положения в обществе. Даже книга М. Круазе «Аристофан и партии в Афинах», одно название которой обязывало автора ко многому, написана, в сущности, только для того, чтобы доказать, что Аристофан не принадлежал ни к какой политической группировке и не имел никаких определенных политических симпатий.

Однако передовые ученые в буржуазных странах сейчас все ближе подходят к марксистской оценке творчества Аристофана. Среди них в первую очередь следует назвать прогрессивного швейцарского античника Андре Боннара, который стремится активно использовать гуманистические традиции античной культуры в борьбе против упадочнических направлений современной буржуазной литературы и критики.

Советские ученые исходят в своей оценке идейного содержания творчества Аристофана прежде всего из единственно научного, марксистско-ленинского понимания сущности афинской рабовладельческой демократии, которая всегда была демократией для меньшинства, эксплуатировавшей массы рабов и союзников, достаточно разнородной по своему составу. Ее верхушку составляли крупные рабовладельцы, хозяева рабских мастерских, наподобие Клеона, Гипербола или Клеофонта, но в нее входили и ремесленники, чей труд применялся в городском строительстве, предпринятом Периклом, и средние землевладельцы, собственники небольших участков, виноградари и маслоделы, и городская беднота, добывавшая средства для пропитания пощенным трудом. Только в течение очень непродолжительного времени, приблизительно от 449 г. (Каллиев мир) до 431 г. (начало Пелопоннесской войны), противоречивые социальные и экономические интересы этих групп свободных граждан уживались совместно, скрепляемые потоком союзнических взносов и морской гегемонией Афин. Пелопоннесская война, нарушив призрачное

равновесие сил, привела к резкому обострению всех противоречий внутри самой афинской демократии.

Отражение этой социальной борьбы в творчестве «отца комедии» Аристофана придало его комедиям политическую силу и классовую заостренность. Девять из одиннадцати дошедших до нас комедий Аристофана относятся к различным периодам Пелопоннесской войны. Естественно, что отношение поэта к вопросам войны и мира дает очень важный критерий для характеристики его политических взглядов. Аристофан оценивает войну как бедствие для сельского населения Аттики. Он настаивает на скорейшем заключении мира именно потому, что, с его точки зрения, война приносит разорение рядовым афинским землевладельцам, а наживаются на ней корыстные демагоги. В «Ахарнянах», «Всадниках», «Мире» Аристофан рисует заманчивые картины мирных удовольствий, чтобы отрезвить все еще слишком пылких сторонников войны.

Аристофан при этом ориентируется именно на мелкого землевладельца, а вовсе не на олигархов или «золотую» молодежь.

Из того, как ставятся и решаются Аристофаном проблемы войны и мира, отчетливо видна связь его творчества с идеологией аттических землевладельцев. Поэтому не случайно афинский крестьянин является центральной фигурой большинства аристофановских комедий — от старика-поселянина в «Пирующих» (427 г.) до Хремилы в «Богатстве» (388 г.). По своему имущественному положению — это мелкий или средний аттический землевладелец, который имеет несколько рабов, но зачастую и сам трудится в поле и в саду. Противоречивость в социальном положении аттического крестьянина — одновременно и рабовладельца и труженика — определяет и отношение Аристофана к состоянию афинской демократии в эпоху Пелопоннесской войны.

Так, с одной стороны, Аристофан целиком принимает завоевания афинской демократии первой половины V в. Он прославляет доблесть и патриотизм поколения «марафономахов» за то, что оно своими подвигами обеспечило расцвет демократических Афин и их право на гегемонию в греческом мире. В связи с этим Аристофан нигде не выступает против эксплуатации афинских союзников. Если он и критикует отдельных корыстолюбивых демагогов и стратегов за вымогательство у союзников, то только потому, что полученные таким путем деньги поступают, по его мнению, не в государственную казну, а в карманы частных лиц. Точно так же Аристофан считает неизбежным и необходимым применение рабского труда, нигде не протестует против тяжелого положения рабов, против применяемых к ним наказаний и пыток. У Аристофана не трудно обнаружить ту же точку зрения на право афинян эксплуатировать рабов и союзников, которой придерживались самые радикальные слои афинской рабовладельческой демократии.

С другой стороны, Аристофан беспощадно бичует те проявления современной ему афинской демократии, которые идут вразрез с идеологией землевладельца-труженика. Главный объект его нападок — ораторы и демагоги, которых поэт наделяет самыми отвратительными чертами, причудливо сплетая чисто фольклорную гиперболлизацию с политической издевкой. Они неизменно характеризуются как негодяи и мошенники, которые воспользовались военной сумятицей для того, чтобы затуманить сознание народа и в такой обстановке совершать свои гнусные дела. Они действуют при помощи обмана и низкой лести, прикрывая ими свою алчность, корыстолюбие, казнокрадство и взяточничество.

Наряду с демагогами Аристофан критикует и других выборных представителей народа, которые используют свое общественное положение в ущерб государству. В этой связи критику со стороны коме-

дии, как и в других случаях, вызывает неравномерное распределение народного дохода, при котором наживаются демагоги и казнокрады.

Что касается отношения комедии Аристофана к афинским олигархам, то из анализа политической направленности «Всадников», «Лисистраты» и «Лягушек» можно сделать вывод, что Аристофан на протяжении всей своей деятельности не имел ничего общего с антидемократическими политическими тенденциями афинских олигархов. А в период 412—411 гг. Аристофан беспощадно клеймит олигархов, разоблачает их корыстолюбие и безразличие к судьбе родной страны.

Именно обличение плутократии, подкупности, торгашества, паразитизма и других симптомов разложения афинской демократии составляет прогрессивное значение комедиального театра Аристофана, делает народным творчеством поэта.

Блестящий мастер сатиры, Аристофан создал художественные типы, сохраняющие обличительную силу и в наше время. Советские читатели чтут Аристофана, поэта-борца, поэта-публициста, смелого обличителя эксплуататоров, казнокрадов, взяточников.

Вместе с тем наследие древнего комедиографа продолжает сохранять огромное познавательное и научное значение. Как выясняется из работ советских античников, можно говорить о крестьянской ориентации не только творчества Аристофана, но и всего жанра древнеаттической комедии. Благодаря этому историческая наука получает в свое распоряжение исключительно важный источник для определения социальной позиции аттического крестьянства, представлявшего «экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 368, прим. 24.)

Древнеаттическая комедия — источник специфический, но доставляемые ею сведения, в сочетании с сообщениями Лисия, Ксенофонта, Фукидида и аттическими надписями, представляют материал, далеко еще не использованный в полной мере в советской исторической науке. Античники-литературоведы должны вскрыть эстетические законы разного осмысления действительности, приемы типизации и заострения образов, составляющие неповторимое художественное своеобразие творчества «отца комедии». Задача эта тем более актуальна, что в буржуазном литературоведении она не только не решалась, но по существу никогда и не ставилась.

Советская наука в состоянии выполнить задачи, стоящие перед ней в области изучения Аристофана и древнеаттической комедии. Она опирается на величайшее достижение человеческой мысли, революционную теорию познания и переустройства общества — марксизм-ленинизм. Дело только в том, чтобы творчески применять марксистскую методологию в условиях совместной дружной работы и взаимопомощи специалистов различных отраслей науки об античности, в обстановке благожелательной, но строгой и принципиальной критики и самокритики.

